

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Н. Ф. Алефиренко (Белгород)

РУСИСТИКА И СОВРЕМЕННЫЙ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ»

«Лингвистический постмодернизм» – направление, возникавшее в ходе переосмысления структуралистского и постструктурального наследия науки о языке XX в. [см.: 6]. Для голландского исследователя Доуве Фоккемы постмодернизм – прежде всего особый взгляд на мир. Д. Фоккема, как и другие постмодернисты, считает в равной мере невозможным и бесполезным пытаться устанавливать какой-либо иерархический порядок или какие-либо системы приоритетов в жизни человека и в его дискурсивном пространстве. Он вводит так называемый принцип нониерархии, лежащий в основе структурообразования всех постмодернистских объектов, любого постмодернистского кода. По его мнению, постмодернистский код может быть описан как система предпочтительного выбора тех или иных семантических и синтаксических средств, частично более ограниченного по сравнению с выбором, предлагаемым другими кодами, частично игнорирующего их правила. Выделяя в качестве основополагающего принципа организации постмодернистского кода (текста) понятие нонселекции, Фоккема уверен, что его действие прослеживается на всех уровнях анализа: лексемном, на уровне семантических полей, фразовых и текстовых структур.

Постмодернистский «демонтаж» философских основ постструктуральной лингвистики, поэтики и семиотики обострил противоречия рационалистической (изначально – картезианской) методологии языка.

Одним из первых несколько рискованно вышел на сцену постмодерна Жак Деррида, принадлежавший если не к школе, но к последователям отца герменевтики Мартина Хайдеггера. Освоив его наследство, он пытался положить конец человеческого пристрастия к гаданию на словесной гуще. Перетасовывая лексику, последователи картезианской философии пытались уловить суть вербализуемой вещи. Конечно же, референциальной лингвистике, надо ей отдать

должное, многие вопросы удалось снять. Но все же, по словам самого Ж. Деррида, это, скорее, напоминало «охоту на динозавра с сачком». И Деррида прекращает такого рода охоту. С какой стати мы вообще надеемся, что когда-то угадаем слово? – риторически спрашивает мыслитель. Имеется в виду слово «живое», функционирующее в неоднородной коммуникативно-когнитивной среде.

В поисках решения этой проблемы есть смысл обратиться к **семиологии**, изучающей «живое» слово в его функционировании в когнитивно-дискурсивном пространстве в соответствии с когнитивно-синергетической методологией современного лингвистического постмодернизма. Основными конструктивными понятиями такого подхода являются «синергетика», «постмодернистическое мышление» и «семиология» (не семиотика!).

1. Лингвистический постмодернизм. Основы постмодернистского мышления были заложены еще в 60-х гг., когда французский философ Жак Деррида впервые сформулировал свою концепцию деконструкции.

Сформулируем основные понятия. *Постмодерн* – социокультурная ситуация утраты упорядоченности и произвольного соединения разнородных феноменов. *Постмодернизм* – философская концепция постмодерна¹. Она, следует отметить, не является монолитной и единой теорией. Ее основу составляют проблемы языка и языкового характера мышления. *Деятельность* рассматривается как совокупность речемыслительных (дискурсивных) практик. *Основная проблема* – во 2-й пол. XX в.: человеческий фактор в языке, а в конце XX – начале XXI вв.: лингвистический антропоцентризм. Постмодернистская эпоха создала свою систему ценностей, в которой *культура* – система знаков, а *языковое сознание* – психический механизм прочтения знаков. Язык в учении постмодернизма рассматривается как система ориентирующего поведения, где обращение к тексту играет весьма значительную роль. При этом устанавливается параллель: нелинейность картины мира – нелинейность языковой картины мира.

¹ См.: Подлевских, Л. Г. Роль языкового сознания в формировании исторической парадигмы постмодернизма / Л. Г. Подлевских // Язык – сознание – культура – социум: сб. докл. и сообщений междунар. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова. – Саратов, 2008. – С. 272–281.

I. Основными категориями концепции Жака Деррида стали «сознание» и «текст». Рассматривая мир исключительно через призму сознания, как феномен письменной культуры, постструктуралисты уподобляют самосознание личности некой сумме текстов различного характера, которая, по их мнению, и составляет мир культуры. Отсюда берут свое начало понятия «интертекст» и «интердискурс». Поскольку, как неустанно повторял основной теоретик постструктурализма Ж. Деррида, «ничего не существует вне текста», весь мир, в конечном счете, воспринимается Ж. Дерридой как бесконечный, безграничный текст. Винсент Лейч сравнивает мир с «космической библиотекой», Умберто Эко – со «словарем» и «энциклопедией». В такой интерпретации миропонимания и мироустройства речь, скорее, должна идти о *языковом* или *дискурсивном* сознании. В настоящее время специфика новейшей, постмодернистской трактовки *языкового сознания* состоит уже не столько в его текстуализации, сколько в его *нарративизации*, т. е. в способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации текста. В такой интерпретации языковое сознание, словно неприступный склеп словесной повествовательности, напоминает гробницу пророка Мухаммеда, вынужденного вечно парить без точки опоры в тесных пределах своего узилища без права переписки с внешним миром.

Теоретическое обоснование текстуализации сознания своеобразно осуществил Жак Лакан, выдвинувший идею текстуализации бессознательного. При всех взлетах и падениях интереса к Ж. Лакану сформулированная им проблематика динамического взаимодействия «воображаемого» и «символического» по-прежнему привлекает к себе внимание теоретиков дискурсивной деятельности. Но основной вклад Ж. Лакана в создание общей теории постструктурализма – это его переосмысление соссюровской концепции знака.

II. Согласно этой концепции признавалась способность знака непосредственно, четко и определенно обозначать предмет, явление или понятие. Однако, как ни парадоксально, именно в размышлениях Ф. де Соссюра (правда позднего Соссюра) следует искать истоки идей постструктурализма. Дело в том, что в своих «Анаграммах», произвольность означающего Ф. де Соссюр стал трактовать более

широко. «Анаграмму»² (и шире – поэтическую речь, – Н. А.), подчеркивал Соссюр, следует определять не как преднамеренную путаницу, лишенную полноты смысла, а как неопределяемую множественность, радикальную неразрешимость, разрушающую все коды». С того времени постструктуралисты стали искать код, который был бы ответствен за порождение смысла.

Теоретики постструктурализма (и их предшественник – Ж. Лакан) пытались объяснить специфический характер анаграмматической (поэтической) коннотации, нарушающей естественный ход обозначения и, что самое главное, ставящей под сомнение нерасторжимость связи означающего с означаемым. Во-первых, именно Ж. Лакан вскрыл в теории Соссюра о произвольности знака мысли, ведущие к отрыву означающего от означаемого. Во-вторых, он пересмотрел традиционную теорию фрейдизма с позиций лингвистики и семиотики, отождествив бессознательное со структурой языка. Бессознательное, – утверждал Ж. Лакан, – является целостной структурой языка.

В дискурсивном мышлении Ж. Лакан вслед за Фрейдом выделяет два основных процесса: *конденсацию* и *замещение*. При этом фрейдовские толкования переводит в лингвистический план и выходит, практически, на нейролингвистику. Если у Фрейда конденсация понимается как совмещение в одном образе, слове, мысли, симптоме или акте несколько бессознательных желаний или объектов, то Ж. Лакан сущность *конденсации* видит в **наложении** (в мозгу человека) ментальной энергии одних означающих на другие, служащем механизмом *метафоризации*. *Замещение*, или **сдвиг** ментальной энергии с одного явления в мозгу на другое, у Ж. Лакана ассоциируется с *метонимией* (в современной когнитивной лингвистике – с концептуальной метонимией). Позже в работах Ю. Кристевой и Ж. Деррида понятия конденсации и замещения стали базовыми категориями в постструктуралистской теории слова, использующей понятие «скользящего», или «плавающего означающего».

² **Анаграмма** – от фр. *anagramme* < греч. *ana...* пере... + *gramma* письменный знак, буква. 1. Слово или словосочетание, образованное перестановкой букв, составляющих другое слово, напр. *автор* – *тавро* – *отвар*.

2. лит. Способ сочинения стихов, при котором отдельные фонемы ключевого слова стихотворения повторяются в других словах, а также стихотворение, написанное таким способом.

Другая мысль Ж. Лакана о замещении предмета или явления знаком, связанная с постулатом о якобы неизбежной при этом необходимости отсутствия замещаемого предмета или явления, стала краеугольным камнем всей знаковой теории постструктурализма. Лакановская теория знака оказалась полезной для постструктурализма еще и потому, что она органично подпитывает популярные ныне концепции языкового сознания и языковой личности³. Следует напомнить, что саму личность Ж. Лакан понимал как языковое сознание. Специфика лакановского понимания языкового сознания прежде всего состоит в том, что она вытекает из постмодернистского представления о структуре человеческой психики как сфере сложного и противоречивого (синергетического) взаимодействия трех составляющих: Воображаемого, Символического и Реального.

«Воображаемое» характеризует доэдиповскую стадию развития сознания, где «Я» стремилось слиться с тем, кто воспринимается как «Другой». «Стадия воображаемого» с ее «зеркальным Я» формируется, по Ж. Лакану, на доязыковом уровне. В *Символическом* больше не существует однозначно-прямолинейного отношения между вещами и тем, как они именуются. Символ апеллирует к открытой, лишенной замкнутости и конечности системе смысла. *Реальное* – самая проблематичная категория, так как находится за пределами языка.

У Л. Виттенштейна Реальное названо положением вещей, представляющим собой аранжировку образов вещей, которые, в свою очередь, определяют горизонт дискурсивного пространства человека.

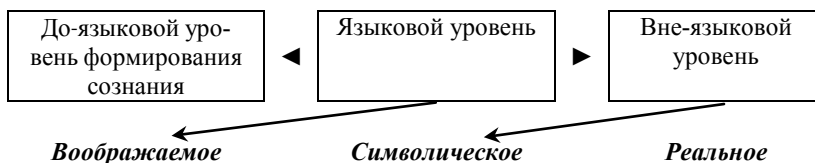

Рис. 1. Уровни формирования сознания по Ж. Лакану

Воображаемое, Символическое и Реальное позже стали ассоциироваться с операционными дискурсивными системами, названными

³ Языковая личность в лингвосинергетике – характеристика, от синергетического дискурса неотделимая, более того, этот дискурс порождающая и определяющая.

ми Мишелем Фуко **эпистемой** (знанием). Это открывает новые возможности в толковании взаимоотношения знания, значения и смысла.

В процессе коммуникации, – пишет Р. Барт, – имеет место акт, который всегда происходит заново, даже если он повторяется, акт, смысл которого всегда иной. Однако, доходя до своего адресата, этот знак воспринимается собеседником как стабильный знак, как порождение полного кода, содержание которого воссоздается вполне адекватно. Иными словами, смысл того, что написано автором – это не то же самое, что воспринимается читателем. Эта фундаментальная дисимметрия языка, лингвистически объясняемая О. Есперсеном и затем Якобсоном в терминах «шифтера» или частичного совпадения сообщения и кода, в конце концов, привела к пониманию того, что интересубъективность, или, скорее, интерлокуция, может быть достигнута только глубоким и чаще всего лишь косвенным погружением в лабиринты смысла (см. работы Ю. Кристевой, Цв. Тодорова, МакКейба и др.).

2. Лингвосинергетика. Синергетическое мышление в лингвистике – это мышление мультипарадигмальное, или даже, лучше сказать, межапарадигмальное и плюрастичное. Синергетический плюрализм будучи ориентирован на компромисс, выводит нас за границы традиционных антиномий противопоставлений и вводит в мир нелинейности, неоднозначности, метафоричности, случайности смыслов синергетических образов и гештальтов, их незавершенности, диалогичности, а потому и гипертекстуальности, и интертекстуальности.

Само понятие «синергетика» используется в двух ракурсах: (а) в философском и (б) узком, специфическом смыслах. Первое его понимание достаточно емко представлено в трудах П. А. Флоренского [12, с. 286]. Предвосхищая идеи современной синергетики, исследующей принципы самоорганизации динамических систем (Никóлис, Пригожин), русский философ писал: «Связь бытий <...> есть синэргия, содеятельность бытий <...> Она не состоит в тождественном равенстве ни с одним из бытий, будучи *новым* в отношении каждого из них; но она *есть* каждая из них».

Размышляя над природой языка, П. А. Флоренский пришел к убеждению: «Слово синэргетично» [12, с. 263]. «Слово *больше себя самого*. И притом, *больше* – двояко: будучи самим собою, оно вме-

сте с тем есть и субъект познания и объект познания» [12, с. 293]. «В слове уравниваются и приходят к единству две накопившиеся энергии... Оно не есть уже ни та, или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире... Но нельзя сказать: "оно само по себе". Без того или без другого из соединяемых им полюсов оно вовсе не есть» [12, с. 292].

Для дискурса естественного языка, по Флоренскому, главным оператором является производящий дискурс говорящий субъект, точнее – его деятельное сознание, реализующее себя в речевых действиях.

Обратим внимание на то, что П. А. Флоренский говорит о деятельном сознании. «Деятельное» потому, что сознание в целом образуется функциональными структурами в речевых зонах больших полушарий (главным образом в левом), способными управлять и контролировать имеющуюся в памяти информацию. Иными словами, сознание – это со-знание, которое может быть передано (сообщено) человеком другим членам сообщества, в том числе другим поколениям с помощью тех или иных знаковых средств. Коммуникативно-семиотическую сущность сознания предопределила появление теории **языкового сознания**. По словам П. В. Симонова, «сознание есть знание вместе с кем-то (сравни с со-чувствием, со-переживанием, со-трудничеством)» [10, с. 66]. Именно языковое сознание обеспечивает возможность диалога не только с другими, но и мысленный диалог человека с самим собой, тем самым создавая предпосылки для появления самосознания.

Для когнитивно-синергетической теории языка важно то, что феномен языкового сознания есть следствие того, что мозг каждого члена языкового сообщества имеет связь с мозгом хотя бы еще одного человека, образуя как бы одну общую нейронную сеть. Таким образом, языковое сознание есть **кооперативное, критическое** явление. Причем изменения в одной части нейронной сети сказываются на свойствах другой, даже наиболее удаленной части. Такая связь одного мозга с другим поддерживается благодаря фундаментальному свойству критических флуктуации распространяться на дальние расстояния, получившему название скейлинга. В силу такого свойства нейронной сети и появилась возможность обмена информацией даже между наиболее удаленными областями. А это и

есть основное свойство сознания. При этом необходимо обеспечить связь между этими двумя нейронными сетями, чтобы была физическая возможность распространения критических флуктуаций. Такая связь и обеспечивает естественный язык.

Для феномена языкового сознания существенную роль играет **сверхсознание** – психическое основание для таких категорий, как творческая интуиция, или вдохновение (И. А. Ивин). Мозг в этом случае находится в надкритическом состоянии. Это происходит тогда, когда сигнал извне вызывает взрывоподобный эффект цепных реакций и соединяет вход нейронной сети буквально со всей информацией, уже хранящейся в мозге.

Благодаря тому, что сверхсознание не контролируется сознанием, возникают явления интердискурсии в поэзии, в других видах словесного творчества, особенно у детей (у них мозг находится, как правило, в надкритическом состоянии). Для понимания сущности языкового сознания и «живого» слова не менее важное значение имеет и **подсознание** – набор программ речевого поведения, заученных в процессе развития, успевших автоматизироваться, ставших речевыми навыками и речевыми стереотипами: приветствиями, идиомами, фатическими (контактоустанавливающими) структурами. Использование в дискурсивной деятельности речевых стереотипов требует активизации значительно меньшего количества нейронов, чем при восприятии новизны. Это указывает на то, что в физическом смысле подсознанию отвечает докритическое состояние мозга, когда отсутствуют дальние корреляции. Итак, словотворческой деятельности человека присущи все качественные свойства неравновесных критических состояний, присущих синергетике.

Важнейшей чертой когнитивно-синергетической методологии является отказ от принципа конструктивного единства и упорядоченности как конечного идеального состояния, к которому лингвистическая мысль пытается прорваться сквозь «хаос» речемыслительного континуума. Во всяком речемыслительном феномене в первую очередь ценится его синергетическая многоликость, наличие разнородных и противоречивых компонентов, тенденций и голосов. Видимо, поэтому к последней трети XX в. стало очевидным, что линейная лингвистика, по сути дела, утрачивает свой конструктивный потенциал.

В лингвистике XX в., ориентированной на «отражательную философию», как бы не замечали того факта, что лингвокогнитивный процесс не исчерпывается отражательными процедурами, а его результат – знание как вербализуемый образ познаваемого – достигается, как правило, другими по природе средствами или в тесном взаимодействии с ними. Современная лингвокогнитивная философия позволяет расширить спектр когнитивных средств. Наряду с *отражением*, методологически важными являются:

(а) **репрезентация** – амбивалентный по природе феномен одновременного (1) представления (отражения) объекта в языковом сознании: *орел* в нашем сознании – сильная и независимая птица и (2) его замещения (конструирования, моделирования) языковым знаком: *орел* – ‘смелый и ловкий юноша’; ‘боец’; *страна орлов* – Албания;

(б) **концептуализация** – процесс языкового членения континуума опыта с целью классификации и структурирования знаний в виде концептов с последующей их вербализацией: концепт «*Русская берега*», *есенинская «березка»*;

(в) **категоризация** – процесс объединения полученных сведений под определенную рубрику опыта или категорию (*ЛСГ*, *ТП*, *СП*); следовательно, концептуализация и категоризация – противоположенные процессы: первый направлен на выделение неких минимальных идеальных единиц человеческого опыта; второй – на их интегрирование в более крупные разряды (категории);

(г) **конвенция** как обязательное коммуникативное по своей природе звено в лингвокогнитивной деятельности человека, предназначенное для условно-семиотической объективации мысли – *главное условие знаковости языка и культуры*;

(д) **интерпретация**, которая есть не только момент познания (не только толкование, направленное на раскрытие смысла – В. И. Карасик), но и *способ бытия* концепта как осуществленного понимания его смыслового содержания.

Такой подход особенно ценен для лингвокогнитивного исследования прямых, вторичных и косвенно-производных образований в системе текста (образования сукцессивного, линейного) и дискурса (явления принципиально симультанной, нелинейной организации). Утверждающаяся методология учитывает, в первую очередь, природу познания. Ведь субъект познания, прежде всего, – это субъект

интерпретирующий, поскольку существование человека говорящего, его речемыслительная деятельность развертываются не только и не столько в объективной действительности, сколько в мире созданных им языковых образов и знаковых (символических) форм, объективно присущих любой лингвокультуре.

3. Семиология. Признание дискурсивной сущности семиологии предполагает осмысление ее отношения к семантике с позиций теории постмодернизма. Диапазон такого осмысления чрезвычайно широк: от отрицания семантики – до сведения к ней всех семиологических исследований. Острые семиологические споры и теоретизирования философов, психологов и лингвистов в последние два века привели к тому, что де Мауро назвал «боязнью значения».

От Карнапа до Квина, от Витгенштейна до английской аналитической школы размышления над значением всегда было непростым и противоречивым. Хочется надеяться, что когнитивно-семиологический подход к слову позволит выйти на уровень его синергетического осмысления, т. е. избежать сугубо *философских* размышлений над сущностью значения, выйти за пределы психологии, культурологии и «чистой» когнитивистики, объединив их, однако, под эгидой лингвистики. При таком подходе слово действительно может служить вратами в мир языкового сознания, в ценностно-смысловое пространство дискурса.

Таким образом, основным объектом когнитивно-синергетического направления в современном лингвистическом постмодернизме являются (а) дискурс как среда осуществления речемыслительной деятельности человека, (б) дискурсивное мышление в его когнитивно-коммуникативном понимании (К. Ф. Седов) и (в) дискурсивная синергетика как взаимосодействие (содеятельность) когниции, дискурсии и культуры.

Если теория дискурса и лингвокультурологии не обделены вниманием современных исследователей, то дискурсивная синергетика остается пока в нашей науке «белым пятном». Основной причиной тому является неопределенность множественных интерпретаций самого дискурса и его объективно многокачественная природа. Поворачиваясь к исследователю той или иной своей гранью, дискурс открывает ему лишь «видимую» часть айсберга. Насколько многогранен дискурс, настолько он и многосложен в определении [15, p. 49]. Осмысление синергетических граней дискурса, думаю, поз-

волит получить новые сведения о его свойствах, признаках и функционально-коммуникативных (семиологических) возможностях. Одной из таких граней дискурса является его рассмотрение в ракурсе сложных самоорганизующихся систем. Однако такого рода идея ставит перед нами еще один непростой вопрос: насколько системным может быть дискурс? Тем более, системой сложной и саморазвивающейся? Только ответив на этот вопрос утвердительно, можно говорить о дискурсивной синергетике, тем более в русле идей лингвистического постмодернизма, своеобразно понимающего соотношение порядка и хаоса. Это влечет за собой необходимость выявления и исследования структурной организации дискурса, поскольку облигаторным признаком любой системы является ее структура [7, с. 7–25; 8, с. 16]. Собственно, это первое требование синергетического подхода, согласно которому самоорганизующаяся система должна включать в себя как минимум две иерархически связанные подсистемы, каждая из которых моделирует не только состояние другой, но и состояние среды (в нашем случае этнокультурного пространства системно организованного дискурса). В качестве базового элемента структуры дискурсивного пространства мы берем пропозицию, которая в единстве с событийным контекстом лежит в основе смыслового содержания текста (Г. Г. Почепцов). Мы говорим о смысловом содержании текста не случайно: ранее сформулированное нами определение дискурса не двузначно указывает на его два системообразующих компонента – 1) текст и 2) когнитивно-событийный контекст. Напомним: дискурс – это сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации.

Текст и когнитивно-событийный контекст как составляющие дискурса взаимно предполагают друг друга, иными словами они взаимно детерминируемы. Уже этого вполне достаточно, чтобы утверждать: дискурс – сложно организованная система (И. С. Шевченко) со своеобразно проявляющимися синергетическими свойствами. Сложная потому, что в составе дискурса наряду со структурными элементами текста активизируются элементы среды, в качестве которой служит когнитивно-событийный контекст. Таковыми выступают излагаемые **события**, участники этих событий, пер-

формативная информация, а также **«не-события»**: обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события. Кроме того, что такое понимание дискурса (единство двух подсистем – текста и его когнитивно-событийной среды) требует дополнительной аргументации. Поскольку, как мы выяснили, в состав дискурса входят две подсистемы, естественно было бы выяснять синергетические связи дискурса, текста и когнитивно-событийного контекста с языковой личностью, речевым смыслом и мышлением.

В моем понимании, дискурс – это синергетическое образование, в котором языковая личность – это и дискурсопорождающий феномен и продукт дискурсивной деятельности. Когнитивная ценность дискурса определяется диалоговой природой языковой личности, открытой и креативной, от которой зависит достижение устойчивой интересубъективной гармонии в синергетической организации дискурса вообще и структуры текста как его продукта в частности.

В такой интерпретации дискурса становятся мотивированными следующие его когнитивно-синергетические свойства:

а) как коммуникативное событие – это синергетическая амальгама языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации;

б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование;

в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки связанных высказываний), дискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности;

г) как «речь, погруженная в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [3, с. 136–137], дискурс, преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий).

Смыслогенерирующая и миропорождающая способность дискурса обуславливаются тем, что его «погружение в жизнь» осуществляется главным образом в процессе лингвокреативного

осмысления событийного содержания. Это приводит к тому, что знаки вторичной номинации нередко до неузнаваемости отдалены по своей семантике от содержания, породившего их события. А в результате экзегетики – погружения в воображаемый мир, его толкования – событийного содержания дискурса и моделирования виртуального мира один и тот же дискурс способен порождать разные языковые знаки. Слова, производные от лексемы *клюква*, и выражения, их содержащие, – *клюковка* ‘очень пьяный человек’, *клюкнуть* ‘выпить’, *наклюкаться* ‘напиться’, *натянулся (напился, пьян) как клюковка* ‘об очень пьяном, напившемся человеке’ своим возникновением обязаны коммуникативно-прагматической ситуации, в которой извне (со стороны) дается негативная оценка человеку, чрезмерно увлекающемуся алкогольными напитками.

Таким образом, дискурс является одновременно формообразующим и смыслогенерирующим источником лингвосемиозиса [см.: 1, с. 379]. В его недрах происходит не только когнитивно-синергетическое обработка событийной, социокультурной, коммуникативно-прагматической и языковой информации, но и ее трансмутация при погружении в особый виртуальный мир для семиотической репрезентации ментальной структуры одного из возможных миров. В связи с тем, что человек (субъект дискурсивной деятельности) в процессе лингвокреативного мышления сам «погружается» в особое ментальное пространство, переносится в им же картируемый виртуальный мир, существующий вне реального хронотопа (не в линейном, а в пространственном времени). Именно в результате таких лингвокреативных преобразований смысловых конститuentов антропосферы дискурса [2] в процессе лингвосемиозиса и порождается национально-языковое видение картины мира. Перспективы лингвистического постструктурализма, на мой взгляд, во многом зависят от того, удастся ли найти оптимальный баланс между его собственными принципами и лингвистическими традициями, который бы обеспечил преемственное развитие науки о языке.

1. *Алефиренко, Н. Ф.* Когнитивные основания лингвосемиозиса / Н. Ф. Алефиренко // *Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag.* Herausgegeben von P. Deutschmann. – Wien, 2007. – S. 379–395.

2. Антропосфера дискурса / Л. А. Сергеева [и др.]. – Уфа, 2007.

3. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999.

-
4. *Бахтин, М. М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. – М., 1986. – С. 80–160.
 5. Жак Деррида в Москве. – М., 1993.
 6. *Ильин, И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М., 1996.
 7. *Кубрякова, Е. С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, дискурсивная деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров / РАН. ИНИОН. – М., 2000. – С. 7–25.
 8. *Макаров, М. Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь, 1998.
 9. *Микешина, Л. А.* Философия познания. Полемические главы / Л. А. Микешина. – М., 2002.
 10. *Симонов, П. В.* Лекции о работе мозга / П. В. Симонов. – М., 2001.
 11. *Степанов, Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М., 1995.
 12. *Флоренский, П. А.* У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – М., 1990. – Т. 2.
 13. *Шпет, Г. Г.* Сочинения / Г. Г. Шпет. – М., 1989.
 14. *Эко, У.* Отсутствующая структура / У. Эко. – СПб., 1998.
 15. *Chafe, W.* Discourse, consciousness and time / W. Chafe. – Chicago, 1994.
 16. *Brown, B.* Discourse analysis / B. Brown, G. Yule. – Cambridge, 1983.